

Вектор управления организационной культурой органов внутренних дел: психические состояния и «картина мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19

Ермолаев В.В.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Воронцова Ю.

АО «НЕЙРОКОМ», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Четверикова А.И.

АО «Московская областная энергосетевая компания» (АО «Мособлэнерго»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Насонова Д.К.

ООО «Поликонисус», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Цель. Изучение вектора управления организационной культурой российских ОВД в период COVID-19.

Контекст и актуальность. Работа направлена на изучение вектора управления организационной культурой ОВД посредством формирования новых «картин мира» и психических состояний полицейских в результате социально-психологического воздействия информационных потоков о COVID-19. Полученные нами ранее результаты лонгитюдного исследования с 2011 по 2019 годы позволили утверждать, что вектор развития организационной культуры ОВД зависит от СМИ, способных создавать новые «картины мира» и влиять на формирование психических состояний полицейских, отличных от желаемых и провозглашенных руководством МВД при проведении реформирования ОВД в 2011 году. Полагаем, что масштаб этого социально-психологического феномена отчетливо проявился в период пандемии COVID-19 и тотальности соответствующего информационного воздействия СМИ, определяющего вектор управления организационной культурой ОВД.

Дизайн исследования. На фоне выявленной динамики социальных страхов, психических состояний и локуса контроля у полицейских за период 2020 и 2021 годы изучалась их «картина мира» при помощи многомерного факторного и кластерного анализа.

Участники. 335 полицейских, прошедших тестирование и в 2020 г., и в 2021 г. Из них 231 мужчина и 104 женщины в возрасте от 25 до 49 лет.

Методы (инструменты). Авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19; опросники: «Социальные страхи» Л.Н. Грошевой, «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина и др.; методика определения доминирующего состояния ДС-8 Л.В. Куликова; авторская модификация семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Результаты. С момента начала COVID-19 к середине 2021 года у сотрудников ОВД выявлены тенденции снижения уровня субъективного контроля и интереса к содержанию новостей о

COVID-19 при динамике роста переживания социальных страхов и растущей неустойчивости психических состояний. В результате воздействия информации о COVID-19 в организационной культуре ОВД сформировано два типа сотрудников. Первый тип с доверительной «картиной мира», а второй — с угрожающей «картиной мира». Такая полярность «картин мира» у разных типов указывает на кризис функционирования организационной культуры ОВД.

Основные выводы. Длительное и интенсивное бесструктурное воздействие СМИ в контексте негативно окрашенной информации о COVID-19, проявляющееся в динамике роста социальных страхов и неоднородности «картин мира» полицейских, показывает, что руководство ОВД в полной мере не является субъектом изменения вектора управления организационной культурой.

Ключевые слова: COVID-19, информационное воздействие, организационная культура ОВД, динамика социальных страхов, «картина мира».

Для цитаты: Ермолаев В.В., Воронцова Ю., Четверикова А.И., Насонова Д.К. Вектор управления организационной культурой органов внутренних дел: психические состояния и «картина мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130112>

The Vector of Managing the Organizational Culture of the Internal Affairs Bodies: Mental States and the “Picture of the World” of Employees in the Dynamics of Social Fears of the COVID-19 Pandemic

Viktor V. Ermolaev

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Julija Voroncova

JSC NEUROCOM, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Alena I. Chetverikova

JSC Moscow Regional Power Grid Company, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Daria K. Nasonova

LLC «Polyconius», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Objective. Studying the vector of managing the organizational culture of the Russian internal affairs bodies during the COVID-19 period.

Background. The work is aimed at studying the vector of managing the organizational culture of the internal affairs bodies through the formation of new “pictures of the world” and mental states of police officers as a result of the socio-psychological impact of information flows about COVID-19. Our earlier results of a longitudinal study from 2011 to 2019 made it possible to assert that the vector of development of the organizational culture of the Internal Affairs Directorate depends on the media, capable of creating new “pictures of the world” and influencing the formation of mental states of police officers, which are different from those desired and proclaimed by the leadership of the Ministry of Internal Affairs when reforming the Internal Affairs Directorate in 2011. We believe that the scale of this socio-psychological phenomenon clearly manifested itself during the COVID-19 pandemic and the totality of

the corresponding informational influence of the media, which determines the vector of managing the organizational culture of the internal affairs bodies.

Study design. Against the background of the identified dynamics of social fears, mental states and the locus of control among police officers for the period of 2020 and 2021, their “picture of the world” was studied using multivariate factorial and cluster analysis.

Participants. 335 police officers tested in both 2020 and 2021. Of these, 231 are men and 104 are women, 25 to 49 years old.

Measurements. Author’s questionnaire on the degree of involvement in the content of the news and information tape about COVID-19; questionnaires: “Social fears” L.N. Grosheva; “The level of subjective control” by E.F. Bazhin and others; method for determining the dominant state of DS-8 L.V. Kulikova; author’s modification of C. Osgood’s semantic differential.

Results. From the beginning of COVID-19 to mid-2021, ATS officers showed tendencies of a decrease in the level of subjective control and interest in the content of news about COVID-19, with the dynamics of the growth of the experience of social fears and the growing instability of mental states. organizational culture of the Department of Internal Affairs formed two types of employees. The first type with a trustful “picture of the world”, and the second with a threatening “picture of the world”. This polarity of the “picture of the world” in different types indicates a crisis in the functioning of the organizational culture of the internal affairs bodies.

Conclusions. The long-term and intensive unstructured influence of the media in the context of negatively colored information about COVID-19, manifested in the dynamics of the growth of social fears and the heterogeneity of the policemen’s “picture of the world”, shows that the police department’s leadership is not fully the subject of changing the management vector of the organizational culture.

Keywords: COVID-19, information impact, organizational culture of internal affairs bodies, dynamics of social fears, “picture of the world”.

For citation: Ermolaev V.V., Voroncova J., Chetverikova A.I., Nasonova D.K. The Vector of Managing the Organizational Culture of the Internal Affairs Bodies: Mental States and the “Picture of the World” of Employees in the Dynamics of Social Fears of the COVID-19 Pandemic. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 189–208. DOI:<https://doi.org/10.17759/sp.s.2022130112> (In Russ.).

Введение

В данной работе затрагивается проблема изменения вектора развития российского общества, а именно — организационной культуры органов внутренних дел (далее — ОВД) как одного из основополагающих социальных институтов, связанная с длительным и системным социально-психологическим воздействием информационных потоков о COVID-19. Направленность изменений, состояние функционирования, потенциал развития, ослабление или усиление организационной культуры ОВД — это важнейший вопрос для государства, так как социальные институты принято харак-

теризовать как общепринятые правила социальных отношений и связей, ценности и моральные предписания, систему санкций и контроля, обеспечивающих задаваемые нормы поведения (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ч. Милс, Т. Веблен, М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Гиденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.), принудительно устанавливаемые правящей элитой.

Науке хорошо известно, что управление социальными институтами — процесс информационный, определяющий содержание и направленность социально-психологического воздействия, приводящего к количественным, качественным и структурным преобразованиям состояния психики, поведения и

образа мира как отдельного человека, так и социальных групп, и социальных систем. Поэтому организационная культура социального института представляет собой системное и управляемое информационное поле, включающее в себя доминирующее мировоззрение, идеологию, ценности, смыслы, убеждения, верования и установки, психическое состояние сотрудников, принятые организационные нормы отношений и поведения, которое представляет собой прогнозируемый сценарий его функционирования и развития, задаваемый субъектом организационной власти и способный трансформироваться посредством механизмов управления: целевого формирования «картин мира», образов добра и зла, уникальной символики, кадровой политики, традиций, обычаев, ритуалов и обрядов. По мнению Дж.М. Кейнса [12], неуправляемых информационных процессов не бывает. Управление — это всегда процесс целевого распространения информации реальным субъектом власти, контролирующим этот информационный ресурс.

Вектор функционирования и развития организационной культуры, как правило, определяется тем, как именно субъект управления представляет основу ее идеологии, мировоззрения, ценностей, установок и отношений и в какой мере обладает ресурсом власти — механизмами ее формирования и изменения. Под механизмами организационной культуры мы предлагаем понимать средства преобразования ранее известной информации, поддержания «достоверности» актуально необходимой или образования новой информации в целях обеспечения желаемого поведения сотрудников, а также поддержания или изменения существующего информационного поля организации — ее организационной культуры.

Теоретический анализ механизмов управления организационной культурой социальных институтов показывает, что в постиндустриальном обществе значительно возросла роль контроля и распространения информации, позволяющей элите транслировать желаемые образцы идеалов, ценностей и социального порядка, которые закрепляются институтами посредством номинальных средств легитимизации. Так, Э. Тоффлер [18, с. 143] указывает, что механизмы управления социальными институтами, свойственные индустриальному периоду, становятся менее эффективны. Вследствие этого он прогнозирует необходимость создания на основании контроля над информационными потоками некой «суперсимволической системы» управления, формируемой особой социальной группой — правящей элитой в своих корпоративных интересах. Д. Белл, М. Кастельс [9] и другие теоретики построения принципиально нового общественного устройства и культуры социальных институтов полагают, что эту задачу призваны решать информационные технологии, выступающие как механизмы управления организационной культурой.

По нашему мнению, одним из базовых механизмов построения такой «суперсимволической системы» управления в период продолжающейся пандемии COVID-19 выступает экспорт «картины мира» (образа мира) [13], который формирует информационное поле объекта воздействия — социальных институтов, определяя будущее мировоззрение, идеологию, ценности, установки, убеждения и специфические психические состояния их сотрудников. Глобальным информационным инструментом, позволяющим успешно формировать необходимые психические состояния и чувство сопричастности к внедряемой новой «кар-

тине мира», являются СМИ, которые тотально транслируют объекту воздействия нужные образы жизни и ролевые модели, позволяющие более или менее успешно адаптироваться к изменяемой в процессе COVID-19 социальной среде. В настоящее время информационные потоки СМИ способны как никогда ранее трансформировать образы организационной культуры социальных институтов, создавать новые привлекательные «картины мира», изменять ценностно-смысловое содержание образов добра и зла, активно внедрять через информационные ресурсы глобальные ценности и мировоззрение постиндустриального общества, даже несмотря на первоначальное расхождение ценностей и мировоззрения, ролевых и поведенческих моделей. Полагаем, что одна из особенностей данного социально-психологического феномена заключается в тотальности психологического воздействия и его масштабах, который необходимо рассматривать как глобальное информационное воздействие, определяющее вектор трансформации организационной культуры социальных институтов. Другая особенность заключается в том, что человек или социальная группа, попадая в активно воздействующее информационное поле, в той или иной мере принимает транслируемую «картину мира» [14], определяясь, какой образ прошлого и будущего своей страны, а также организации или семьи считать приемлемым. На этой мировоззренческой основе человек организует свое поведение, как ему кажется, без принуждения, основываясь на собственных ценностях и интересах. Однако это ментальное заблуждение. Мозг человека, воспринимая и обрабатывая информацию, получаемую сегодня в основном через СМИ, невольно подключается к навязываемой «картине

мира» и попадает в специфически организованное информационное поле, которое вызывает определенные эмоциональные реакции, психические состояния, трансформацию ценностей и установок, связанных с предъявляемым информационным контентом [2]. Информационное поле психически заразно и программирует поведение. При этом психика заражается не только при восприятии определенных образов, звуков, слов, символики, но и обладает особенностью самонастройки с ними в обход контроля сознания. Так, по данным современных филологических исследований, лексемы о COVID-19 все более становятся «частью новых составных прилагательных и выражают деление мира и времени на “до” и “после” [10, с. 56], формируя образ угрозы происходящего и влияя на менталитет современного человека и специфику коллективной психологии. Учеными отмечается, что одной из особенностей информационных потоков является способность формировать у социальных групп определенную «картину мира» [10]. По мнению М.А. Кормилицыной, такая способность находится в руках тех, кто управляет СМИ, определяет контент и направленность транслируемой информации. «Именно СМИ оказывают решающее влияние на формирование мировоззрения, взглядов, представлений, на мировосприятие, сознание и поведение членов общества» [14, с. 14].

Со времен «теории шприца» или «теории пули» Х. Блумера [21] науке достаточно известен описанный выше социально-психологический феномен — любая программа, сформированная в сознании, требует реализации. Поэтому человек ведет себя в соответствии с теми мировоззрением, ценностями, правилами и установками программы, которые «установил» автор «картины мира». Так, вос-

приятие зрительного ряда телеэкрана, монитора компьютера, смартфона или другого устройства, по мнению Л.П. Гримака, «требует непрерывного осознания визуального материала, порождаемые им ассоциативные образы требуют определенных интеллектуальных и эмоциональных усилий по их оценке и закреплению. Нервная система, будучи не в силах выдержать такой интенсивный процесс осознания, уже спустя 15–20 минут формирует защитную тормозную реакцию в виде гипноидного состояния, которое резко ограничивает восприятие и переработку информации, но усиливает процессы ее запечатления и программирования поведения» [3]. По утверждению Дж. Кейнса, повинуясь эффекту социального заражения, редко кто из людей способен сформировать собственную «картину мира». Как правило, в том или ином виде она будет заимствована в ходе социализации из перечня картин, представленных субъектом управления [12].

Таким образом, можно констатировать, что информация, транслируемая СМИ, выступает фактором социальных рисков. Согласно выявленному нами ранее высокому уровню социальных страхов у российских граждан при вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19 [26], а также отрицательной их динамики [5] мы задались целью рассмотреть, как эта динамика отражается на состоянии организационной культуры у одного из ключевых российских социальных институтов — ОВД, которое является ее основой. Вместе с тем заслуживает внимания социально-психологическое воздействие информационных потоков о COVID-19 в контексте изменения вектора управления организационной культурой ОВД посредством формирования новых «картин мира» и психических состояний сотрудников. Ре-

зультат его воздействия тем более важен в связи с тем, что среди основных целей реформирования ОВД в 2011 году было заявлено о восстановлении позитивного образа организационной культуры у сотрудников и граждан России; формировании в облике полицейского позитивных морально-нравственных профессиональных черт: уравновешенности, ответственности, смелости, доброжелательности, доверия окружающим и позитивности. Однако данные нашего лонгитюдного исследования свидетельствуют о том, что значимых различий между образами настоящего и будущего организационной культуры ОВД у полицейских в 2012 [7] и 2019 [6] гг. не выявлено. Результаты управления организационной культурой ОВД в послереформенный период указывают на недостижение заявленных целей. Это подтверждается тем, что образ организационной культуры ОВД у сотрудников и себя в ней все так же оставался слабо структурированным, нечетким и в значительной степени не однозначно позитивным. Полученные данные позволили нам утверждать, что организационная культура ОВД как никогда ранее зависима от СМИ, способных создавать новые «картины мира» и влиять на формирование установок и психических состояний полицейских. Полагаем, что масштаб этого социально-психологического феномена отчетливо проявился в период пандемии COVID-19 и тотальности информационного воздействия СМИ, определяющего вектор управления организационной культурой ОВД.

Метод

С целью изучения вектора управления организационной культурой ОВД в период COVID-19 мы выдвинули следующую

гипотезу: изменение психических состояний и «картины мира» полицейских в динамике социальных страхов пандемии COVID-19 определяет вектор бесструктурного управления организационной культурой ОВД. Объект — организационная культура ОВД. Предмет — вектор управления организационной культурой ОВД, трансформируемый посредством изменения психических состояний и «картины мира» сотрудников в динамике социальных страхов пандемии COVID-19.

Выборка. Исследование проводилось на протяжении 2020 и первой половины 2021 годов. Общая численность выборки — 335 сотрудников полиции в возрасте от 23 до 49 лет, прошедших тестирование дважды (в 2020 и 2021 гг.). Из них 231 мужчина и 104 женщины. Принимая во внимание глобальный характер распространения коронавирусной инфекции и информационного воздействия СМИ на все слои населения, гендерные и возрастные различия не учитывались. Психодиагностическая процедура проводилась дистанционно с применением Google форм, что позволило сформировать выборку, представляющую сотрудников полиции 5 управлений внутренних дел в субъектах Российской Федерации.

Методики исследования.

1. Авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19 для изучения уровня заинтересованности информацией о COVID-19.

2. Опросник «Социальные страхи» Л.Н. Грошевой [4] для выявления социальных страхов.

3. Опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина и др. [1] для изучения направленности локуса контроля.

4. Методика определения доминирующего состояния ДС-8 Л.В. Куликова [15] для выявления психических состояний.

5. Авторская модификация семантического дифференциала Ч. Осгуда с целью выявления семантических пространств для изучения «картины мира» сотрудников.

Обработка эмпирических данных проводилась при помощи статистических методов исследования с применением t-критерия Стьюдента, факторного и кластерного анализов в программе SPSS Statistics 23.

Результаты

На первом этапе с целью выявления динамики в показателях социальных страхов при заинтересованности контентом новостной ленты о COVID-19 в период 2020-2021 гг. нами применялись опросник «Социальные страхи» и авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19. В результате анализа данных были выявлены достоверные различия (при $p \leq 0,01$) по всем шкалам социальных страхов: страх неудачи и поражения ($t = -4,813$); страх непринятия и подавления ($t = -4,508$); страх потери ($t = -4,878$); страх самостоятельности ($t = -6,738$) и страх коммуникации ($t = -7,143$); а также по уровню заинтересованности новостной лентой о COVID-19 ($t = 6,681$). Результаты представлены на рис. 1.

Выявленные различия свидетельствуют о том, что к 2021 году продолжается тенденция роста социальных страхов полицейских, однако при снижении интереса к информации о COVID-19, транслируемой СМИ. Обнаруженная динамика снижения интереса подтверждает выдвинутые нами ранее предположения о возможном выходе на плато интереса к информации о COVID-19 у российских граждан, установленного к моменту пика второй волны [5].

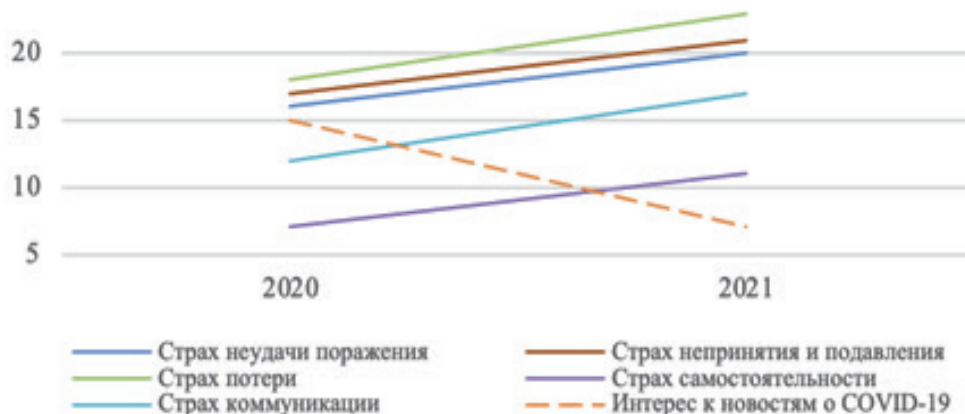

Рис. 1. Динамика социальных страхов и заинтересованности контентом информационно-новостной ленты о COVID-19 в период 2020 и 2021 гг.

Полученные результаты могут объясняться фактом заражения социальными страхами на этапе первой волны, когда основной детерминантой, актуализирующей массовое состояние страха, были новизна и неизвестность ситуации, подогревавшие интерес к информирующим о COVID-19 СМИ. Продолжающийся рост социальных страхов к 2021 году может объясняться «кумулятивным эффектом», который поддерживается продолжающейся неопределенностью ситуации и системно воздействующим информационным потоком новостей, характеризующимся тотальностью воздействия. При этом, с одной стороны, мы наблюдаем тенденцию снижения интереса к содержанию новостей о COVID-19, а с другой — рост социальных страхов, усиливающий у полицейских состояние напряжения в ожидании очередной угрозы.

В результате статистического анализа данных выявлена отрицательная динамика психических состояний (ДС-8) и уровня субъективного контроля (УСК) (рис. 2).

Согласно данным, представленным на рис. 2, различия (при $p \leq 0,01$) обнаружены среди показателей:

1) психических состояний по шкалам: Бо ($z=-4,456$); То ($t=5,322$); Ра ($t=3,771$); Сп ($t=4,81$); Ус ($t=4,475$); Уд ($t=4,051$).

2) уровня субъективного контроля по шкалам: Ио ($t=3,384$); Ип ($t=4,252$).

Выявленные различия свидетельствуют о том, что в условиях COVID-19 у полицейских к 2021 году наблюдается динамика роста неудовлетворенности собственной жизнью, снижения тонуса жизненных сил и веры в возможность достижения поставленных целей из-за нарастающего ожидания угрозы. Кроме того, выявлена тенденция в стремлении к социально одобряемому поведению при росте напряженности и эмоциональной неустойчивости на фоне преобладающего негативно окрашенного эмоционального тона. Вместе с тем при выявленной отрицательной динамике психического состояния сотрудников наблюдается рост желания делегировать ответственность за события собственной жизни как в личной, так и в профессиональной сферах.

Опираясь на полученные результаты, а также на результаты наших предыдущих исследований [5; 26], мы пред-

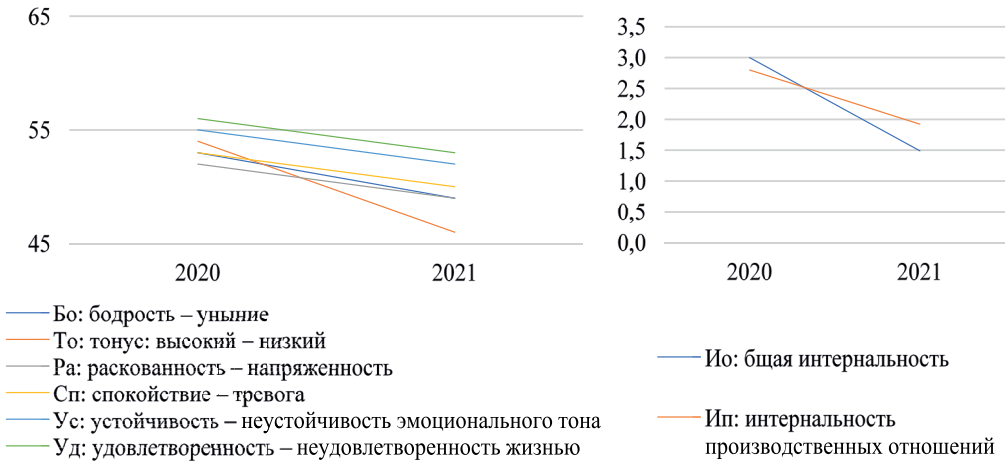

Рис. 2. Динамика психических состояний и направленности локуса контроля российских граждан в условиях COVID-19 на период 2020 и 2021 гг.

положили, что тенденции, связанные с COVID-19 и его последствиями, фактически разделившими жизнь на «до» и «после», должны изучаться в непосредственной взаимосвязи с актуальными «картинами мира» сотрудников ОВД.

С целью изучения «картины мира» полицейским предлагалось оценить мир, общение, себя и работоспособность во время COVID-19 по 9-ти семибально биполярно градуированным шкалам, противоположные полюса которых заданы посредством вербальных антонимов. Данные подверглись факторному анализу (рис. 3, табл. 1).

В результате факторного анализа было установлено, что восприятие мира связано с тремя факторами; восприятие общения и себя – с двумя факторами, восприятие работоспособности – также с двумя факторами. Общая дисперсия данных, описывающая факторы, составляет 60,83% для трех факторов восприятия мира; 49,06% – для двух факторов восприятия общения; 54,87% – для двух факторов восприятия «Я» и 59,79% –

для двух факторов восприятия работоспособности во время COVID-19.

В табл. 1 представлены связи шкал с каждым из рассматриваемых факторов (далее – Φ), нагрузка которых $>0,5$.

$\Phi 1$ (Мир: собственное значение 2,96; вес 20,76%) определяется положительными полюсами шкал 6 (упорядоченный), 7 (спокойный) и 9 (дружелюбный). Этот фактор можно обозначить как «упорядоченный–неупорядоченный».

$\Phi 2$ (Мир: собственное значение 1,45; вес 20,65%) определяется положительными полюсами шкал 3 (неизменный), 4 (безвольный) и 8 (пессимистичный). Этот фактор можно обозначить как «пессимистичный–оптимистичный».

$\Phi 3$ (Мир: собственное значение 1,06; вес 19,42%) определяется положительными полюсами шкал 1 (неуравновешенный) и 2 (энергичный). Данный фактор можно обозначить как «неустойчивый–устойчивый».

$\Phi 1$ (Общение: собственное значение 3,11; вес 20,76%) и **$\Phi 1$** («Я»: собственное значение 3,75; вес 29,69%) определяются

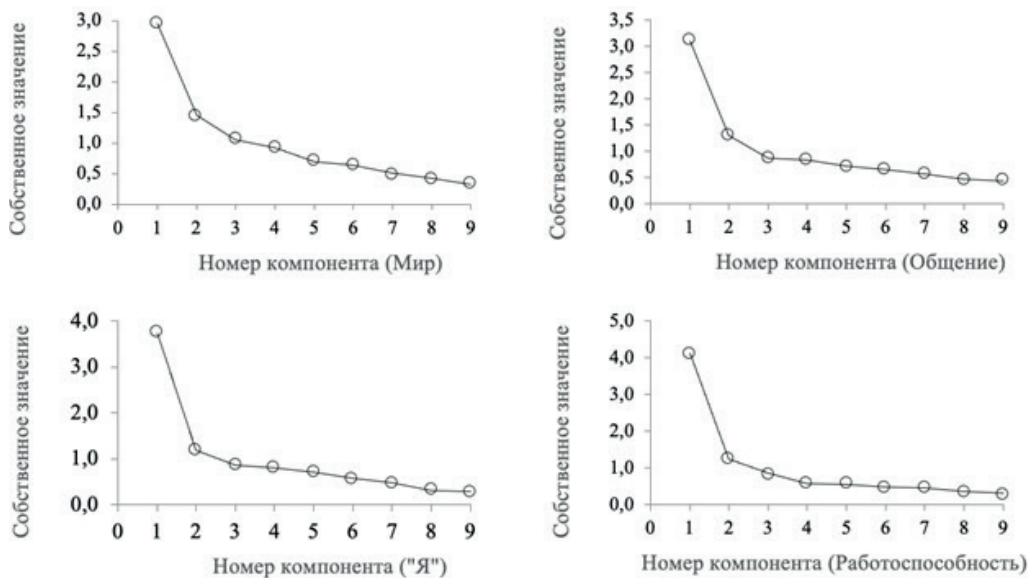

Рис. 3. Графики собственных значений факторов

положительными полюсами шкал 1 (неуравновешенный), 3 (неизменный), 4 (безвольный), 5 (неудовлетворительный), 8 (пессимистичный), которые можно описать как «безвольный—волевой».

Ф 2 (Общение: собственное значение 1,30; вес 22,55%) и **Ф 2** («Я»: собственное значение 1,19; вес 25,18%) определяются положительными полюсами шкал 2 (энергичный), 6 (упорядоченный), 7 (спокойный) и 9 (дружелюбный), которые можно обозначить как «энергичный—вялый».

Ф 1 (Работоспособность: собственное значение 4,13; вес 37,61%) определяется положительными полюсами шкал 1 (неуравновешенный), 3 (неизменный), 4 (безвольный), 5 (неудовлетворительный), 8 (пессимистичный) и отрицательным полюсом переменной 2 (вялый). Этот фактор можно обозначить как «фрустрированный—удовлетворенный».

Ф 2 (Работоспособность: собственное значение 1,25; вес 22,185%) определяется положительными полюсами шкал

6 (упорядоченный), 7 (спокойный) и 9 (дружелюбный). Этот фактор можно обозначить как «стабильно спокойный—тревожный».

Интересно, что выявленные факторы сгруппировались не по традиционно выделяемым критериям, а исключительно по полярности полюса предлагаемых шкал. Это позволило нам предположить, что длительность и интенсивность бесструктурного воздействия негативно окрашенной официальной и фейковой информации о COVID-19 не только влияют на психическое состояние населения [5; 20; 22; 23; 26; 30; 33; 34; 35], но и могут привести к неоднородному преобразованию «картины мира» среди полицейских, которое в итоге способствует кризису организационной культуры и задает изменение вектора ее управления.

С целью проверки выдвинутого предположения мы прибегли к кластерному анализу посредством разбиения показателей факторов восприятия мира, обще-

Таблица 1

**Факторная структура по 9 шкалам, метод главных компонент,
варимакс вращение (N=335)**

Факторы Шкалы	Мир			Общение		«Я»		Работоспособность	
	1	2	3	1	2	1	2	1	2
	Упорядоченный — неупорядоченный	Пессимистичный — оптимистичный	Неустойчивый — устойчивый	Безвольный — волевой	Энергичный — вялый	Безвольный — волевой	Энергичный — вялый	Фрустрированный — удовлетворенный	Спокойный — тревожный
Уравновешенный-неуравновешенный			0,70	0,64		0,62		0,61	
Вялый-энергичный			0,77		0,52		0,58	-0,60	
Развивающийся-неизменный		0,87		0,71		0,68		0,83	
Волевой-безвольный		0,65		0,66		0,73		0,78	
Удовлетворительный-неудовлетворительный				0,64		0,76		0,79	
Хаотичный-упорядоченный	0,79				0,82		0,76		0,80
Тревожный-спокойный	0,72				0,74		0,78		0,81
Оптимистичный-пессимистичный		0,62		0,70		0,71		0,72	
Враждебный-дружелюбный	0,62				0,60		0,71		0,52
Собственное значение фактора	2,96	1,45	1,06	3,11	1,30	3,75	1,19	4,13	1,23
% дисперсии, обусловленный факторами	20,76	20,65	19,42	26,51	22,55	29,69	25,18	37,61	22,18
Суммарный % дисперсии	60,83			49,06		54,87		59,79	

ния, себя и работоспособности на однородные в некотором смысле группы, для определения оптимального количества которых проводился иерархический кластерный анализ (рис. 4).

Согласно дендрограмме (рис. 4) для дальнейшего анализа мы определили 4 кластера. Однако после применения метода k-средних с целью выявления характеристик выделенных 4 кластеров вы-

яснилось, что число наблюдений в первом и четвертом кластерах крайне мало, а их средние — полярные относительно друг друга значения и достаточно близкие к значениям кластеров 2 и 3 (табл. 2). Очевидна тенденция к объединению наблюдений в два кластера при увеличении выборки. Таким образом, было принято решение о целесообразности выбора 2 кластеров для дальнейшего анализа.

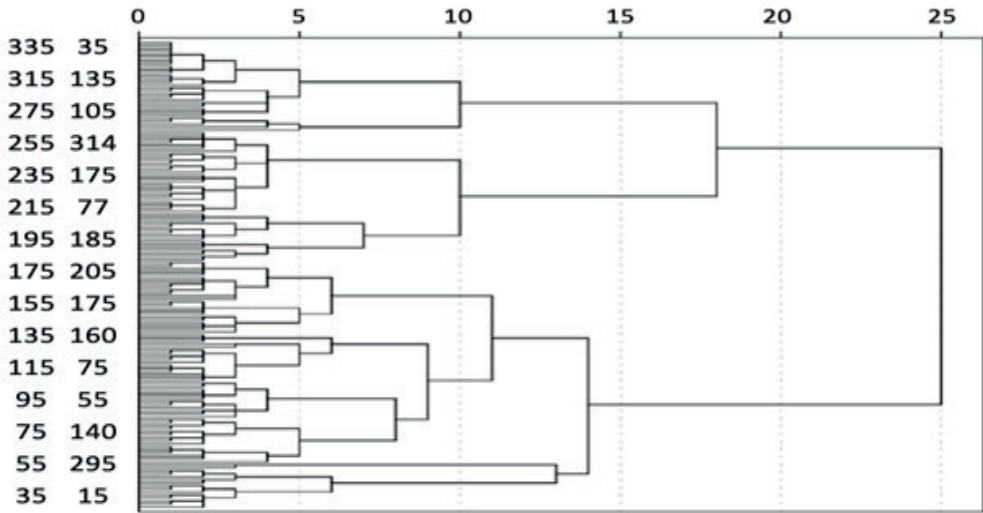

Рис. 4. Дендрограмма для 335 наблюдений (метод Уорда, квадрат евклидова расстояния)

Таблица 2

Результаты средних по факторам, связанным с восприятием мира, общения, себя и работоспособности во время COVID-19

Факторы		Кластер				Кластер	
		1	2	3	4	1	2
Мир	Упорядоченный—неупорядоченный	2,31	-0,29	0,18	-0,82	1,74	-0,06
	Пессимистичный—оптимистичный	0,31	0,31	-0,17	-2,19	0,34	0,06
	Неустойчивый—устойчивый	0,84	0,26	-0,31	0,13	0,84	-0,05
Общение	Безвольный—волевой	0,94	0,54	-0,42	-2,33	1,00	0,03
	Энергичный—вялый	1,41	-0,40	0,43	-2,12	1,18	0,01
«Я»	Безвольный—волевой	1,94	0,36	-0,36	-1,68	1,74	-0,02
	Энергичный—вялый	1,02	-0,46	0,49	-1,69	1,14	0,01
Работоспособность	Фрустрированный—удовлетворенный	1,14	0,44	-0,41	-1,36	1,33	-0,02
	Спокойный—тревожный	1,55	-0,39	0,35	-1,26	1,64	-0,04
Число наблюдений		16	160	151	8	131	204

Согласно данным, представленным в табл. 2, можно описать характеристики каждого кластера.

Кластер 1 позволяет выделить первый тип, в котором показатели всех фак-

торов восприятия мира, общения, «Я» и работоспособности соответствуют области значений отрицательного полюса. Мир во время COVID-19 данным типом воспринимается неупорядоченным, не-

устойчивым и пессимистичным; общение и «Я» — вялыми и безвольными; работоспособность — фрустрированной и тревожной. Таким образом, данный тип можно охарактеризовать как тип с угрожающей «картиной мира».

Кластер 2 позволяет выделить второй тип, в котором показатели всех факторов восприятия мира, общения, «Я» и работоспособности соответствуют области значений положительного полюса. Мир во время COVID-19 данным типом воспринимается упорядоченным, устойчивым и оптимистичным, общение и «Я» — энергичными и волевыми; работоспособность — спокойной и удовлетворенной. Таким образом, данный тип можно охарактеризовать как тип с доверительной «картиной мира».

Обсуждение результатов

Выявленные типы сотрудников полиции с полярными «картинами мира» (доверительной и угрожающей) свидетельствуют о четком их разделении в организационной культуре ОВД при воздействии информационных потоков СМИ о COVID-19. С одной стороны, подобная полярность «картин мира» полицейских указывает на кризис организационной культуры, а с другой — показывает, что руководство ОВД в полной мере не является субъектом изменения вектора управления организационной культурой.

Современная тенденция распространения информации о COVID-19 указывает на изменение вектора управления организационной культурой ОВД, определяемого «картинами мира» сотрудников в динамике их социальных страхов пандемии. Важнейшая роль в наблюдаемой динамике принадлежит системному использованию механизмов социаль-

но-психологического воздействия для внедрения в организационную культуру ОВД определенных представлений, ценностей, установок, норм и отношений, позволяющих достигнуть целей группового субъекта управления. Вместе с тем информационное воздействие на организационную культуру ОВД в силу его многовариантности и тотальности в том числе имеет признаки бесструктурного управления информационными потоками, которое реализуется посредством построения «картин мира» и их трансляции через различные СМИ (официально не объединенные одной структурой) для формирования необходимой социально-психологической атмосферы, влияющей на психическое состояние сотрудников. Позитивно или негативно окрашенная атмосфера, которая через транслируемые СМИ «картины мира», их символику, образы, слова, а также формируемые поведенческие реакции на них вызывает различные социально-психологические эффекты (подражание, заражение и др.), проявляется в тенденциях к изменению организационной культуры ОВД. Так, анализ новостной ленты о COVID-19 [11; 25; 32; 33] показывает, что поддержание социальных страхов [2; 8; 28; 31], а также внедрение в сознание сотрудников новых «картин мира», ранее воспринимавшихся в качестве деструктивных, предполагают обязательную «связку» некоторых ее негативных образов с прочно сформированными ранее положительными образами в их сознании. Возникающий при этом эффект замещения образов позволяет внедряемой «картине мира» беспрепятственно входить в сознание сотрудников и определять их стереотипы поведения в соответствии с целями субъекта управления.

Сила воздействия «картин мира» на основы организационной культуры ОВД

наглядно представляется на примере ее бесструктурного управления во время пандемии COVID-19. Правящая элита как групповой субъект бесструктурного управления использует СМИ в качестве механизма психологического воздействия, формирующего необходимые «картины мира». Системно создаваемое СМИ информационное поле как бы обволакивает психику человека, попадающего в него, вызывая определенные поведенческие реакции и в целом значительные изменения в организационной культуре ОВД — мировоззрении, представлениях, установках, ценностях, нормах, отношениях и психических состояниях.

Вектор такого изменения, по нашему мнению, зависит от целей субъекта управления. Так, системная трансляция негативных образов, экспертных мнений и прогнозов будущего в СМИ вызывает эффекты социального заражения и подражания на фоне усиления страха, подавления воли и растущего чувства беспомощности. Как известно, длительно испытываемое чувство беспомощности сопровождается не только падением силы духа сотрудников, готовности принимать ответственность в сложных ситуациях правоприменения, способности справиться с негативной информационной волной и адаптироваться к изменениям, но и снижением иммунитета [19].

Учитывая, что ситуация, связанная с COVID-19, уже длительное время характеризуется продолжающейся опасностью и неопределенностью сроков ее завершения, проблема оказания психологической помощи, прежде всего сотрудникам, обеспечивающим правопорядок и безопасность государства, приобретает особую остроту.

Исследования показывают, что продолжающийся новостной поток о пандемии провоцирует дестабилизацию эмоциональ-

ного фона и рост психического напряжения полицейских, создавая условия для формирования состояния психической травматизации сотрудников ОВД [17]. Кроме того, влияние страха смерти, неконтролируемой угрозы за соблюдение групповых норм, по мнению Т.А. Нестика [16], будет способствовать снижению институционального доверия и росту социального пессимизма, проявляя долгосрочный эффект даже после снятия ограничительных мер и снижения роста заболеваемости COVID-19. В этом контексте вызывают интерес не только формы оказания помощи сотрудникам по устранению психологических последствий пандемии и проведения для этого необходимых мероприятий, но и выявление тенденций, а также возможных угроз для развития организационной культуры социальных институтов при воздействии на них непрерывающегося, специфически окрашенного информационного потока [11; 25; 27; 32; 33], который усиливает социальные страхи COVID-19 [2; 8; 24; 28; 31].

Проблему усугубляют тотальность и объем информации о массовости и масштабе последствий заражения COVID-19, которые формируют «картину мира» социальной катастрофы в настоящем и будущем. Вместе с тем даже во время ведения войн такая информация максимально нивелировалась государственными структурами управления для поддержания психических ресурсов народа, помогающих справиться с жизненно травмирующей ситуацией и развить потенциал сопротивления ей. В числе механизмов, направленных на формирование таких ресурсов, как раз и выступают атрибуты организационной культуры социальных институтов — идеология, мировоззрение, ценности, убеждения и установки, а также сказания, былины, истории о героях, националь-

ные традиции, обряды, ритуалы и иные практики обучения и психологической настройки для преодоления трудностей. При этом для человека особенно важно наличие референтной группы или субъекта, поддерживающего и ободряющего его во время социального кризиса. Рассматриваемые в этом контексте атрибуты организационной культуры играют важнейшую роль в искомой поддержке твердости духа сотрудников перед лицом возникшей опасности, формировании позитивной групповой атмосферы и развитии чувства ответственности за преодоление социальных страхов.

Однако, когда на уровне субъекта управления через СМИ транслируется информация, преимущественно вызывающая негативные психические состояния, мы можем прогнозировать кризис организационной культуры социальных институтов, который проявляется в процессе так называемого ее «размораживания» [29] — изменения ценностей, норм, отношений, установок и «картин мира» сотрудников. Угроза современного процесса «размораживания», проявляющегося в нагнетании социальных страхов СМИ, заключается в том, что вектор организационного изменения субъектом управления не декларируется и слабо осознается сотрудниками. Процесс идет латентно, постепенно набирая силу. При этом, учитывая выявленную тенденцию к снижению у полицейских чувства ответственности за основные события их жизни, на фоне растущих социальных страхов и резкого разделения сотрудников на два типа (с позитивной и негативной «картиной мира») мы можем утверждать, что мировоззренческие и поведенческие модели полицейских, транслируемые и закладываемые СМИ в «картинах мира» о настоящем и будущем после пандемии COVID-19, могут представлять угрозу

для развития организационной культуры ОВД. Причины и следствия наметившегося вектора изменения общего дизайна организационной культуры являются вызовом к ее управлению и представляются перспективными для дальнейших исследований, в частности, исследования особенностей состояния организационной культуры ОВД.

Выводы

1. С момента начала COVID-19 к середине 2021 года у сотрудников ОВД выявлена тенденция снижения интереса к содержанию новостей о COVID-19 при динамике роста переживания социальных страхов, усиливающих у полицейских состояние напряжения в ожидании очередной угрозы.

2. Выявлена тенденция растущей неустойчивости психических состояний и снижения уровня субъективного контроля у сотрудников ОВД.

3. В результате воздействия информации о COVID-19 в организационной культуре ОВД сформировано два типа сотрудников: первый тип характеризуется доверительной «картиной мира», второй — угрожающей «картиной мира». Подобная полярность «картин мира» у сотрудников разных типов указывает на кризис функционирования организационной культуры ОВД.

4. Длительное и интенсивное бесструктурное воздействие СМИ в контексте негативно окрашенной информации о COVID-19, проявляющееся в динамике роста социальных страхов и неоднородности «картин мира» полицейских, показывает, что руководство ОВД в полной мере не является субъектом изменения вектора управления организационной культурой.

Литература

1. *Бажин Е.Ф., Гольякина Е.А., Эткин А.М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993. 16 с.
2. *Грибер Ю.А., Сухова Е.Е.* Цвет как инструмент управления эмоциями в публикациях о пандемии COVID-19 в русскоязычных онлайн-СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 307–328. DOI:10.14515/monitoring.2020.6.1745
3. *Гримак Л.П.* Гипноз и телевидение (Истоки нашей страсти к телевидению) [Электронный ресурс] // Прикладная психология. 1999. № 1. URL: <http://dedovkgu.narod.ru/bib/grimak.htm> (дата обращения: 07.06.2021).
4. *Грошева Л.Н.* Социальные страхи и их преодоление у верующих и атеистов: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004. 206 с.
5. Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 / В.В. Ермолаев, Ю. Воронцова, Д.К. Насонова, А.И. Четверикова // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41). С. 27–38. DOI:10.11621/prj.2021.0103
6. *Ермолаев В.В.* Динамика социальных представлений об организационной культуре органов внутренних дел как критерий ее управляемости // Сб. науч. стат. и матер. Всероссийской науч.-практ. конф. «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (г. Санкт-Петербург, 30 октября 2020 г.). СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 161–165.
7. *Ермолаев В.В., Ротарь Д.А.* Образ организационной культуры реформируемых органов внутренних дел у граждан с разным уровнем доверия к полиции // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 94–102.
8. *Ерофеева И.В.* Страх как атрибут рыночных СМИ: философия вопроса и психологические эффекты реализации // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 3(2). С. 298–305.
9. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 302–303.
10. *Катермина В.В., Яценко Е.А.* COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // Вестник ЧППУ им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3(108). С. 51–58. DOI:10.37972/chgru.2020.108.3.007
11. *Квернадзе Э.* Эффекты и технологии социально-психологического воздействия СМИ на целевую аудиторию // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4. № 1. С. 79–87.
12. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во Гелиос АРВ, 2011. 352 с.
13. *Колшановский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 107 с.
14. *Кормилицына М.А.* Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации. 2012. Вып. 12. С. 13–25.
15. *Куликов Л.В.* Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению. СПб.: СПбГУ, 2003. 81 с.
16. *Нестик Т.А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 47–83. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002
17. Психическая травматизация полицейских в период несения службы в чрезвычайной ситуации медико-биологического характера, обусловленной пандемией COVID-19 / В.А. Сидоренко, А.Г. Соловьев, Е.Г. Ичитовкина, С.В. Жернов // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2020. № 4. С. 105–113. DOI:10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113
18. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.

19. Харди И. Врач, сестра, больной: психология работы с больными. Венгрия: Изд-во Академии наук Венгрии, 1998. 340 с.
20. *Abdullah I.* COVID-19: Threat and fear in Indonesia // Psychological trauma: theory, research, practice and policy. 2020. Vol. 12. № 5. P. 488–490.
21. *Blumer H.* Collective Behavior // New Outline of the Principles of Sociology. In Lee A.M. (ed.). New York: Barnes and Noble, 1951. P. 187–188.
22. *Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J.* The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. Vol. 395. № 10227. P. 912–920.
23. *Carrion-Alvarez D., Tijerina-Salina P.X.* Fake news in COVID-19: a perspective // Health Promot Perspect. 2020. № 10. P. 290–291.
24. *Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Bsd R.P., Wilder-Smith A., Larson H.* The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak [Электронный ресурс] // J Trav Med. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7107516/> (дата обращения: 07.06.2021).
25. *Dong M., Zheng J.* Letter to the editor: Headline stress disorder caused by Netnews during the outbreak of COVID-19 // Health Expectations. 2020. № 23. P. 259–260.
26. *Ermolaev V.V., Sorokoumova E.A., Voroncova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I.* Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia // Eurasia J Biosci. 2020. № 14. P. 2403–2409.
27. *Golding M.A., Salisbury M.R., Reynolds K., Roos L.E., Protudjer J.L.P.* COVID-19-related media consumption and parental mental health // Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement. 2021. Vol. 53. № 3. P. 371–376. DOI:10.1037/cbs0000280
28. *Kilgo D.K., Yoo J., Johnson T.J.* Spreading Ebola panic: Newspaper and social media coverage of the 2014 Ebola Health Crisis // Health Commun. 2019. № 3. P. 811–817.
29. *Lewin K.* Field theory of social science: selected theoretical papers / Ed. by D. Cartwright. New York: Harper & Brothers, 1951. 346 p.
30. *Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S.* The effect of COVID-19 on youth mental health // Psychiatric quarterly. 2020. № 91. P. 841–852. DOI: 10.1007/s1126-020-09744-3
31. *Ng K.H., Kemp R.* Understanding and reducing the fear of COVID-19 // J. Zhejiang Univ. Sci. B. 2020. № 21(9). P. 752–754.
32. *Silva J.A.* Teixeira da. Corona exhaustion (CORONEX): COVID-19-induced exhaustion grinding down humanity [Электронный ресурс] // Current Research in Behavioral Sciences. 2021. № 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7836432/> (дата обращения: 07.06.2021).
33. *Taylor S., Landry C.A., Paluszek M.M., Fergus T.A., McKay D., Asmundson G.* COVID stress syndrome: concept, structure and correlates // Depress. Anxiety. 2020. № 37(8). P. 706–714. DOI:10.1002/da.23071
34. *Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A.* The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health // The International Journal of Social Psychiatry. 2020. Vol. 66. № 4. P. 317–320. DOI:10.1177/0020764020915212
35. *Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W.* China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention // Psychological trauma: theory, research, practice, and policy. 2020. № 12(S1). P. S3–S5. DOI:10.1037/tra0000609

References

1. Bazhin E.F., Golynkina E.A., Etkind A.M. Oprosnik urovnya sub'ektivnogo kontrolya (USK) [Questionnaire of the level of subjective control]. Moscow: Smysl, 1993. 16 p. (In Russ.).
2. Griber Yu.A., Sukhova E.E. Tsvet kak instrument upravleniya emotsiyami v publikatsiyakh o pandemii COVID-19 v russkoyazychnykh onlain-SMI [Color as a Tool for Managing Emotions

- in Publications about the COVID-19 Pandemic in Russian-language Online Media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 6, pp. 307–328. DOI:10.14515/monitoring.2020.6.1745 (In Russ.).
3. Grimak L.P. Gipnoz i televidenie (Istoki nashei strasti k televideniyu) [Elektronnyi resurs] [Hypnosis and television (The origins of our passion for television)]. *Prikladnaya psikhologiya* = *Applied Psychology*, 1991, no. 1. URL: <http://dedovkgu.narod.ru/bib/grimak.htm> (Accessed 07.06.2021). (In Russ.).
 4. Grosheva L.N. Sotsial'nye strakh i ikh preodolenie u veruyushchikh i ateistov: Diss. kand. psikhol. nauk. [Social fears and their overcoming in believers and atheists. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2004. 206 p. (In Russ.).
 5. Ermolaev V.V., Voronova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. Dinamika sotsial'nykh strakhov u rossiiskikh grazhdan v period pervoi i vtoroi volny [Dynamics of social fears of russian citizens during the first and second wave COVID-19]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* = *National Psychological Journal*, 2021, no. 1(41), pp. 27–38. DOI:10.11621/npj.2021.0103 (In Russ.).
 6. Ermolaev V.V. Dinamika sotsial'nykh predstavlenii ob organizatsionnoi kul'ture organov vnutrennikh del kak kriterii ee upravlyaemosti [Dynamics of social ideas about the organizational culture of internal affairs bodies as a criterion of its manageability]. *Sb. nauch. stat. i mater. Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. «Pedagogika i psikhologiya v deyatelnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki» (g. Sankt-Peterburg, 30 oktyabrya 2020 g.)* [Collection of scientific articles and materials All-Russian Scientific and Practical Conference “Pedagogy and psychology in the activities of law Enforcement officers: integration of theory and practice”]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020, pp. 161–165. (In Russ.).
 7. Ermolaev V.V., Rotar D.A. Obraz organizatsionnoi kul'tury reformiruemyykh organov vnutrennikh del u grazhdan s raznym urovnem doveriya k politzii [Organisational culture in reformed bodies of internal affairs as perceived by citizens with various levels of trust in the police]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social psychology and Society*, 2012, no. 4, pp. 94–102. (In Russ.).
 8. Erofeeva I.V. Strakh kak atribut rynochnykh SMI: filosofiya voprosa i psikhologicheskie efekty realizatsii [Fear as an attribute of market means of mass communication: philosophy of the problem and psychological effects of realization]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature* = *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature*, 2008, no. 3(2), pp. 298–305. (In Russ.).
 9. Kastel's M. Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information age. Economy, society and Culture]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2000, pp. 302–303. (In Russ.).
 10. Katermina V.V., Yachenko E.A. COVID-19 kak lingvisticheskoe yavlenie (na materiale tekstov angloyazychnykh SMI) [COVID-19 as a linguistic phenomenon (based on english mass-media texts)]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva* = *Bulletin of the I.Ya. Yakovlev ChSPU*, 2020, no. 3, pp. 51–58. DOI:10.37972/chgpu.2020.108.3.007 (In Russ.).
 11. Kvernadze E. Effekty i tekhnologii sotsial'no-psikhologicheskogo vozdeistviya SMI na tselevuyu auditoriyu [Effects and technologies of social and psychological impact of mass media on the target audience]. *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* = *Kommunikologiya: electronic scientific journal*, 2019, Vol. 4, no. 1, pp. 79–87. (In Russ.).
 12. Keins Dzh.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [General theory of employment, interest and money]. Moscow: Helios ARV Publ., 2011. 352 p. (In Russ.).
 13. Kolshanovskii G.V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke [Objective picture of the world in cognition and language]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 107 p. (In Russ.).
 14. Kormilitsyna M.A. Kachestvo peredavaemoi v pechatnykh SMI informatsii kak faktor sotsial'nykh riskov [The quality of the transmitted information in the print media as a factor social

- risks]. *Problemy rechevoi kommunikatsii = Problems of speech communication*, 2012, Vol. 12, pp. 13–25. (In Russ.).
15. Kulikov L.V. Rukovodstvo k metodikam diagnostiki psikhicheskikh sostoyanii, chuvstv i psikhologicheskoi ustoichivosti lichnosti. Opisanie metodik, instruksii po primeneniyu [A guide to the methods of diagnosing mental states, feelings and psychological stability of the individual. Description of methods, instructions for use]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2003. 81 p. (In Russ.).
16. Nestik T.A. Vliyanie pandemii COVID-19 na obshchestvo: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2020, Vol. 3, no. 2(18), pp. 47–83. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002 (In Russ.).
17. Sidorenko V.A., Solov'ev A.G., Ichitovkina E.G., Zhernov S.V. Psikhicheskaya travmatizatsiya politseiskikh v period neseniya sluzhby v chrezvychainoi situatsii mediko-biologicheskogo kharaktera, obuslovennoi pandemiei COVID-19 [Mental traumatization of police officers during service in a medical and biological emergency caused by the COVID-19 pandemic]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh = Medical-biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations*, 2020, no. 4, pp. 105–113. DOI:10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113 (In Russ.).
18. Toffler E. Tret'ya volna [The third wave]. Moscow: AST, 2004. 781 p. (In Russ.).
19. Hardi I. Vrach, sestra, bol'noj: Psihologija raboty s bol'nymi [Doctor, nurse, patient: The psychology of working with patients]. Hungary: Publishing House of the Hungarian Academy of Sciences Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften Editions de l'Academie Hongroise des sciences, 1998. 340 p. (In Russ.).
20. Abdullah I. COVID-19: Threat and fear in Indonesi. *Psychological trauma: theory, research, practice and policy*, 2020, Vol. 12, no. 5, pp. 488–490.
21. Blumer H. Collective Behavior. In Lee A.M. (ed.). *New Outline of the Principles of Sociology*. New York: Barnes and Noble, 1951, pp. 187–188.
22. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 2020, Vol. 395, no. 10227, pp. 912–920.
23. Carrion-Alvarez D., Tijerina-Salina P.X. Fake news in COVID-19: a perspective. *Health Promot Perspect*, 2020, no. 10, pp. 290–291.
24. Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Bsd R.P., Wilder-Smith A., Larson H. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak [Elektronnyi resurs]. *J Trav Med*, 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7107516/> (Accessed 07.06.2021).
25. Dong M., Zheng J. Letter to the editor: Headline stress disorder caused by Netnews during the outbreak of COVID-19. *Health Expectations*, 2020, no. 23, pp. 259–260.
26. Ermolaev V.V., Sorokoumova E.A., Voroncova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia. *Eurasia J Biosci*, 2020, no. 14, pp. 2403–2409.
27. Golding M.A., Salisbury M.R., Reynolds K., Roos L.E., Protudjer J.L.P. COVID-19-related media consumption and parental mental health. *Canadian Journal of Behavioural Science. Revue canadienne des sciences du comportement*, 2021, Vol. 53, no. 3, pp. 371–376. DOI:10.1037/cbs0000280
28. Kilgo D.K., Yoo J., Johnson T.J. Spreading Ebola panic: Newspaper and social media coverage of the 2014 Ebola Health Crisis. *Health Commun*, 2019, no. 3, pp. 811–817.
29. Lewin K. Field theory of social science: selected theoretical papers. Ed. by D. Cartwright. New York: Harper & Brothers, 1951. 346 p.
30. Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. The effect of COVID-19 on youth mental health. *Psychiatric quarterly*, 2020, no 91, pp. 841–852. DOI: 10.1007/s11126-020-09744-3

31. Ng K.H., Kemp R. Understanding and reducing the fear of COVID-19. *J. Zhejiang Univ. Sci. B.*, 2020, no. 21(9), pp. 752–754.
32. Silva J.A. Teixeira da. Corona exhaustion (CORONEX): COVID-19-induced exhaustion grinding down humanity [Elektronnyi resurs]. *Current Research in Behavioral Sciences*, 2021, no. 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7836432/> (Accessed 07.06.2021).
33. Taylor S., Landry C.A., Paluszek M.M., Fergus T.A., McKay D., Asmundson G. COVID stress syndrome: concept, structure, and correlates. *Depress. Anxiety*, 2020, no. 37(8), pp. 706–714. DOI:10.1002/da.23071
34. Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *The International Journal of Social Psychiatry*, 2020, Vol. 66, no. 4, pp. 317–320. DOI:10.1177/0020764020915212
35. Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 2020, no. 12(S1), pp. S3–S5. DOI:10.1037/tra0000609

Информация об авторах

Ермолаев Виктор Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Воронцова Юлия, научный сотрудник отдела разработки методов диагностики функциональных состояний, АО «НЕЙПРОКОМ», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Четверикова Алена Ивановна, главный специалист Службы безопасности, АО «Московская областная энергосетевая компания» (АО «Мособлэнерго»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Насонова Дария Камилевна, старший специалист-психофизиолог, ООО «Поликониус», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Information about the authors

Viktor V. Ermolaev, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Labor Psychology and Psychological Counseling, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>, e-mail: evv21@mail.ru

Julija Voroncova, Researcher, Functional State Diagnostic Methods Development Department, JSC NEUROCOM, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>, e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Alena I. Chetverikova, Chief Specialist Security Service, JSC Moscow Regional Power Grid Company, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>, e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Daria K. Nasonova, Senior Specialist Psychophysiologicalist, LLC «Polyconius», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8989-0940>, e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

Получена 18.06.2021

Received 18.06.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022